

УДК 930.85

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ МИРА В РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУРАХ

О. В. Орлова

Государственная академия славянской культуры

Поступила в редакцию 24 марта 2010 г.

Аннотация: *статья посвящена особенностям восприятия картины мира в различных лингвокультурах. Русский образ мышления, накладывающий отпечаток на язык и его структуры, во многом отличается от западного. Поиск идентификации всегда являлся и является основной ментальной проблемой русского самосознания, которая находит свое выражение в языке и специфике общения. В межкультурном общении необходимо обнаружение культурно обусловленных семантических полей, на основании которых собеседники раскрывают контексты, требующиеся для достижения взаимопонимания.*

Ключевые слова: *многогранная реальность, временные и пространственные характеристики, ментальная ориентация, ментальные категории самосознания, культурная идентификация, пространство культуры и языка, культурное бессознательное, культурный стереотип.*

Abstract: *the article is devoted to the peculiarities of world-view in different cultures and languages. Russian style of thinking which influences the language and its structures differs from Western mind. The search for identification has always been the main problem of Russian self-consciousness. This problem is expressed in communication in general and language as the means of communication. In intercultural communication it is urgent to determine culturally-defined semantic fields in which the communicants open the contexts necessary for mutual understanding.*

Key words: *versatile reality, time and space characteristics, mental orientation, mental categories of self-consciousness, cultural identification, culture and language space, cultural unconscious, cultural stereotype.*

Стремление русских к цельному знанию, основанному на осознании полноты жизни, отличает наш стиль мышления от европейского, построенного на внутренней цельности мысли, а не на внешних связях понятий. В европейских языках существует превалирование наружной рассудочности над внутренней сущностью вещей. Аналогичное соотношение мысли и слова, мысли и языка можно наблюдать в римских законах, где при отсутствии внутренней справедливости, стройность внешней формы была доведена до изумительного логического совершенства, а также в нравах Древнего Рима, где высоко ценили внешнюю деятельность человека и мало внимания обращали на ее внутренний смысл.

Русскую культурную традицию характеризует особое отношение к слову. М. М. Бахтин считал, что язык, слово – это почти все в человеческой жизни, и эта многогранная реальность не может быть предметом только одной науки – лингвистики [1]. Смысл существования слова – в его со-

циокультурном предназначении, в задачи которого входит фиксировать, хранить достижения культуры, обучать, служить объединению всех форм культуры.

Основу русской мысли составляет Logos в отличие от западного Ratio. А. Ф. Лосев и Ф. А. Степун противопоставляли цикл замкнутых систем Ratio цикличности русской мысли как самоповтору, т.е. кругу разговоров на одну и ту же тему, ограниченную цепью вечных вопросов русского бытия [2]. В русском языке идет постоянный возврат назад: местоимения, прилагательные, порядковые числительные согласуются в роде, числе и падеже с существительным, которое они определяют и которое чаще занимает во фразе более правую позицию. Существительное при этом зависит от глагола, стоящего еще правее. В современном английском языке существует строгий порядок слов, нарушить который может только особая эмфаза в особом контексте и ситуации. В немецком и скандинавских языках порядок слов также определен, как и в английском. Поэтому все высказывания порождаются по определенно заданной схеме. В русском языке, как считается, порядок слов свободный. Но это не совсем так. У русских порядок слов может отражать, например, актуальное членение высказывания и выражать категорию определенности/неопределенности, а кроме того, может свидетельствовать и о принадлежности текста тому или иному регистру.

Грамматический строй языка имеет определенную форму организации временных и пространственных характеристик. Например, в некоторых вариантах языка кечуа будущее время употребляется для обозначения событий позади говорящего, а прошедшее время – для событий, находящихся перед говорящим. Народ кечуа утверждает, что мы можем видеть прошлое, поскольку оно осуществилось, и мы его знаем, но не можем видеть будущее, так как оно не осуществилось. В папуасском языке насиои есть четыре прошедших времени: недавно прошедшее (от вчерашнего заката до настоящего момента), промежуточное прошедшее (один-два дня назад), давно прошедшее (три дня и более назад) и обычное прошедшее без четкого указания времени [3]. Языки различает также употребление страдательного залога. В английском языке страдательный залог используется, чтобы подчеркнуть дополнение, переместить акцент с того, кто производит действие. Страдательный залог во многих азиатских языках придает предложению иное значение, так как пассив определяет подлежащее как «жертву» действия. То есть предложение с действительным залогом только констатирует факт, со страдательным – указывает на то, что производитель действия сделал плохой поступок.

Зарубежные исследователи русской ментальности отмечают, что русский имперфект по сравнению с французским перфектом отражает «ментальную ориентацию нации не на результат, а на само действие в его открытости и незавершенности» [4, с. 96]. Специфичность восприятия времени на Руси заключается в том, что древнерусскому сознанию было свойственно нелинейное представление о времени, в соответствии с которым каждое событие не сменяется последующим, а продолжает существо-

вать в своей реальности вечно. Каждое новое событие не отделено от своего прообраза, а представляет обновление и рост этого вечного события. Такое восприятие времени обращает мысль не к концу и результату, а к его началу. Сложная система глагольных времен, возможно, помогала русскому человеку постичь диалектику времен, для чего существовала специальная форма перфекта, обозначающая настоящее в прошлом. Для отражения важности длительности действия в системе языка развились своеобразные формы глагольного вида, оригинальные формы воплощения настоящего и переходящего действия, а формы будущего времени уже производны от вида [5]. Такой же точки зрения придерживался К.С. Аксаков, отрицая категорию времени. Он писал: «Русский глагол потому пренебрегает категорией времени, что последняя представляет собой продукт абстрактного рационалистического подхода, что только возвышается над народной жизнью, что является как сфера мысли, общего, необходимо принимает формы языка» [6, с. XVIII].

Если структурировать ментальные категории русского самосознания следующим образом: национальная идентификация, пространство и время, национальный характер, национальная идея, то поиск идентификации являлся основной ментальной проблемой XX в. [7]. Поиск самоопределения через природу является идентификационной моделью, которая имеет глубинную традицию в русском менталитете. Большое значение для природы русского менталитета приобретает «хронотоп пейзажа» (М. М. Бахтин называл хронотопом универсальные ментальные категории пространственно-временного континуума.) Здесь речь идет о субъективной, ментальной природе пейзажа как определенной модели восприятия.

Среди ведущих характеристик русского менталитета самостоятельное значение имеет такая категория, как «архетип внутреннего пространства». По Д. С. Лихачеву, – это свобода, соединенная с простором. Простор как разомкнутое, беспредельное пространство является фактором, который оказал воздействие на формирование русского менталитета [4, с. 109].

Пространство языка существует в строго определенном времени, что позволяет языку адекватно выражать бытие народного духа. Русский язык имеет склонность к пространственно-событийному представлению реальности бытия народа. «Под этими двумя формами предстала природа в понятии человека: под формой пространства, как предмет. Под формой времени, как действие» [6, с. 6].

Если для европейца пространство и время понятия различные, то для русского, как считает Г. Гачев, они нераздельны. Про–странство (распро–странение, протяжение). Время происходит от веремья, вертеть, т.е. вращение, обращение, возвращение. В русском сознании пространство – время – родное пространство, однокоренное со страной, сторонкой, странником. Пространство – раздвижение, как распахивание окон, дверей, души для света (например, действие русского романа идет вширь в виде отступлений). В других языках нет сопряжения пространства и страны [7, с. 179].

В качестве примера национальной специфики одного и того же понятия можно привести то, как выражается в русском и английском языках понятие личного пространства человека. В русском языке само это понятие передается описательно (двумя словами), в английском часть этого понятия можно выразить отдельным словом *privacy*.

В английское понятие *privacy* входит целый комплекс обобщенных понятий: личное пространство; частная собственность; место, где я живу: дом, квартира, комната; то, что располагается вокруг дома (усадебный двор); место, где я работаю: это и место службы (причем, неважно, отдельный это кабинет или всего лишь отдельный стол в отделе или только отдельная папка на общем столе); место, где я нахожусь в определенном состоянии: и уединение или даже одиночество, тайна или секрет.

Понятие личного пространства у англичан тесно сплетено с понятием-категорией «свой/чужой». В личное пространство запрещено вмешиваться чужим. В Англии не принято закрывать дверь начальника изнутри на ключ (запертая дверь кабинета «*locked door*» – это дверь кабинета, запертая снаружи). Для русских запертая дверь кабинета означает, что дверь может быть заперта и изнутри, и снаружи.

В английском языке существует выражение *ensure privacy*, которое обозначает частный (личный) разговор (то, что называется в английском *face to-face*, а в русском с глаза на глаз), а также уединение (*to disturb privacy* «нарушить чье-л. Уединение»).

У русских присутствует своя языковая и экстралингвистическая специфика понятия личного пространства. Это понятие скорее связано с про-странством, по определению Г. Гачева, с широтой русской души, открытостью, готовностью помочь, в отличие от английской замкнутости, изолированности.

Еще одним примером, подтверждающим различия в мировосприятии, является связанное с понятием «личное пространство» понятие дома и того, что располагается вокруг дома в русской и английской культурах. По мнению Г. Гачева, «устройство жилища, с одной стороны, есть отпечаток, отражение Космоса; дом строится как схема того, что человек видит вокруг. Так что по дому можно изучать воззрение народа на мир – как он его понимает. А с другой стороны, дом не готовым берется, а строится и есть выражение нутра человека, невидимого устройства его души, проекция сокровенного микрокосмоса» [7, с. 36].

В России дом обычно располагается окнами на улицу, а двери, как правило, расположены сбоку дома. Дом находится почти прямо у дороги. На фасадной части дома также привычным является палисад (палисадник), где растут деревья и кусты. Все, что находится за домом, – это подворье, включающее различные надворные постройки и огород.

Английский дом расположен в глубине усадебного пространства, не у дороги. Между дорогой и домом приличное пространство. Обычно – это газон или лужайка. Двери дома «смотрят» на улицу. Дом обносится сплошным забором (обычно каменным) или живой изгородью, и функция «английского» забора – указать на границу личного пространства.

Широта русских пространств наложила отпечаток не только на специфику национального общения, но и на формирование русской души. Н. А. Бердяев писал, что европеец в отличие от русского концентрирует свою энергию на небольшом пространстве души, экономя пространство и время, интенсивность культуры.

Приведенные примеры подтверждают лотмановскую идею непереводимости различных языков. Ю. М. Лотман писал, что «никакое мыслящее устройство не может быть одноструктурным и одноязычным: оно обязательно должно включать в себя разноязычные и взаимонепереводимые семиотические образования» [5, с. 570]. Однако непереваемость у Ю. М. Лотмана – это не полная невозможность перевода, поскольку в этом случае между языками не могло бы вспыхнуть даже искорки смысла.

Проводя параллель между работой больших полушарий мозга и развитием целых культур, Ю. М. Лотман в обоих случаях обнаруживает наличие двух принципиально отличных способов отражения мира и выработки новой информации с последующими сложными механизмами обмена текстами между этими системами.

Таким образом, для адекватности общения необходимым требованием является знакомство коммуникантов с одними и теми же элементами когнитивной базы того национально-культурного общества, на языке которого осуществляется общение. Чтобы достичь полного понимания, необходимо устранить размежевание языка и культуры, поскольку язык является составной частью любой культуры, так же, как и культура всегда проявляется в языке, а различия в языках обуславливают различия в культурах.

Нельзя понять язык также в отрыве от его контекста. В английском необходимо учитывать различия между вариантами языка. Если обратиться только к Британии, то можно заметить отличие региональных вариантов – нортумберлендского, шотландского, корнуольского от лондонского. Варианты региональных языков можно услышать по радио или телевидению. В середине 1990-х гг. в английском языке появился термин «эстуарный» английский для определения новой версии английского, на котором говорят все социальные группы – от молодых членов королевской семьи до обычных подростков. Это название язык получил потому, что на нем говорят жители бассейна р. Темзы (комбинация диалекта южного Лондона и Эссекса). Лингвисты полагают, что если литературный английский останется нормой для всех иностранцев, то в скором времени на нем только они и будут говорить.

Изменение роли литературного английского в общении связано с разнообразными факторами: доступность образования для разных социальных групп, широкая этническая база, когда многие британцы дома говорят на их родном языке (афроамериканский, индийский и т. д.), возрастающая роль региональных диалектов. Поэтому, исследуя связь языка и культуры, нельзя просто говорить об английском языке без учета социальных и политических вопросов, проливающих свет на развитие языка.

Для понимания мировосприятия нужно учитывать и общие черты культур и различия, поскольку, изучая различия в культурах, лучше постигаешь свою собственную.

Чтобы понять собеседника, необходимо не просто уловить поверхностное содержание его высказывания. По Р. Якобсону, любому акту вербальной коммуникации присущи шесть языковых функций, соответствующих говорящему, адресату, контексту сообщения, самому сообщению, контакту между собеседниками и кодовой системе, в рамках которой совершается коммуникативный акт. Эти функции носят универсальный характер, и их можно найти в любом языке. В высказывании могут присутствовать все шесть функций, но доминирующей будет лишь одна. Значение той или иной функции определяется при ее взаимодействии с другими.

Коду передачи сообщения, согласно Р. Якобсону, соответствует металингвистическая функция, практическое обращение к которой состоит в обнаружении культурно обусловленных семантических полей. Сосредотачиваясь на кодах высказывания, слушатель раскрывает контексты, необходимые для его понимания. Анализируя взаимодействие кодов внутри высказывания, слушатель обнаруживает его смысл и улавливает процесс формирования смысла. Овладение родным языком и металингвистической функцией взаимосвязано, без этого изучение другого языка невозможно [11]. Эту точку зрения разделяет и Ю. М. Лотман, говоря о том, что мысль не может быть одноструктурной, а сознание без коммуникации невозможно [5].

О тождестве мысли и слова также писал И. В. Киреевский: «Слово, как прозрачное тело духа, должно соответствовать всем его движениям. Поэтому оно беспрестанно должно менять свою окраску, подобно беспрестанно изменяющемуся сцеплению и разрешению мыслей. В его переливчатом смысле должно трепетать и отзываться каждое дыхание ума. Оно должно дышать свободой внутренней жизни. Поэтому слово, окостенелое в школьных формулах, не может выражать духа... Однако ж, изменяясь в оттенках своих, оно не должно переиначиваться во внутреннем составе» [9, с. 273–274].

Естественная жизнь каждой культуры состоит в постоянном создании новых форм для выражения своего духа. А. С. Хомяков говорил, что формы, заимствованные извне, не могут служить выражению духа своей культуры, и «всякая духовная личность народа может выразиться только в формах, созданных ею самой» [10, с. 456]. Культура – это исторически непрерывно меняющийся продукт коллективного творчества прошлых и современных поколений. Для нормального развития культуры необходим общий запас культурных ценностей, инвентарь культуры, который должен транслироваться следующим поколениям через традицию и язык.

Носителем традиции является этнос, а сама традиция является комплексом культурных парадигм. Понятие традиции, в свою очередь, связывается с представлением о культурном ядре, относящемся к культурному бессознательному. Именно это ядро определяет предел допустимых для

данной культуры изменений, переход же через эту грань приводит к разрушению самой культуры. И именно наличие этого ядра обеспечивает согласованность поведения всех членов данного этноса в определенных ситуациях, являющихся знаковыми для данной культуры.

Этническая культура как исторически выработанный способ деятельности предполагает, что всем явлениям культуры присуща общая функция – служить средством человеческой деятельности. Следовательно, если согласиться с Э. Маркаряном, быть культурным – значит уметь пользоваться множеством вещей, владеть системой средств, благодаря которой осуществляется коллективная и индивидуальная деятельность. В понятие «способ деятельности» включаются не только умения и навыки, но и весь спектр объективных средств осуществления деятельности людей. Его элементами являются внебиологически выработанные средства, с помощью которых действия людей стимулируются, программируются и воспроизводятся.

Специфичность этнических культур состоит в том, что культура дает особое имя всем предметам и явлениям своего культурного космоса. Это имя есть живое имя, ибо оно вырастает из действия и несет в себе его скрытую энергию. Именно так этнос адаптируется к реальному миру. Таким способом как бы задается система координат, в которой будет действовать в мире представитель данной этнической культуры, формируется образ мира, который является основополагающей компонентой культуры этноса. Однако в светлое поле сознания каждого носителя данной культуры попадают лишь отдельные фрагменты цельного образа мира. В процессе развития этноса образ мира может меняться, но неизменными остаются принадлежащие к коллективному бессознательному структурообразующие элементы этнического бессознательного – этнические константы, которые представляют собой бессознательные комплексы, складывающиеся в процессе адаптации человеческого коллектива к среде и выполняющие в этнической культуре роль основных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию этноса к окружающей среде. Система этнических констант и является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир [11].

Во время социализации происходит «присвоение» данной системы этнических констант, что и обуславливает этничность сознания человека. Сознание носителей той или иной этнической культуры может изучаться только через различные формы своего овнешнения. Одной из таких форм является языковое сознание – опосредованный языком образ мира той или иной культуры. Образ сознания, ассоциированный со словом, – это одна из многих попыток описать знания, используемые в процессе общения. А имя – это та культурная рамка, которая накладывается на индивидуальный опыт каждого человека, прошедшего социализацию в определенной культуре.

Именно ориентация на поведение, общение, культуру привели Л. С. Выготского к мысли о том, что сознание создается посредством орудий и других экстрацеребральных инструментов и прежде всего зна-

ков, а ключом к пониманию природы человеческого сознания являются мышление и речь [12]. По словам М. Г. Ярошевского, Л. С. Выготский смог прозреть в непсихологическом объекте – слове – глубинные слои душевной жизни личности, ее незримую динамику. Для Л. С. Выготского значение слова представляет собой единство общения и обобщения, а это означает, что, с одной стороны, слово существует в реальном процессе общения, в системе «я и другой», с другой стороны, внутренняя сторона слова, его значение выступают как психологический эквивалент обобщения в качестве неотчуждаемого от субъекта умственного образа. Из такой трактовки значения как основной составляющей сознания вытекает представление о том, что значение развивается и проходит в онтогенезе определенные стадии своего развития, а в основе усвоения значения лежит принцип интериоризации. Объектом интериоризации выступает инструментальный акт, т.е. опосредованная культурным знаком психическая функция, являющаяся по происхождению внешней, данной в системе реального общения и лишь вторично переместившаяся в личное сознание, скрытое от других людей. Отсюда следует, что сознание человека – это явление интерпсихическое, существующее вне индивида в форме знаков и значений. Культурное развитие сознания начинается с момента рождения ребенка и совершается не по биологическим законам, а под действием системы обучения, исторически и культурно обусловленной. Признавая за сознанием системное строение, Л. С. Выготский видел единственный плодотворный путь его изучения в семическом анализе, цель которого – раскрыть структуру значений и смыслов.

Представитель того или иного этноса воспринимает любой предмет не только в его пространственных измерениях и во времени, но и в его значении, а значения концентрируют в себе внутрисистемные связи объективного мира. В значениях, в отличие от личностного смысла, фиксируется некий культурный стереотип, инвариантный образ данного фрагмента мира, присущего тому или иному этносу. В силу этого культура не может быть отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т.е. этническая.

Культура – это то, что вносит в личность смысл, значение. Следовательно, культуру можно понимать как систему сознания, связанную с определенным этносом как коллективной личностью. В основе каждой культуры лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, ментальных схем. Заимствование предмета или явления другой культуры никогда не получит в культуре-реципиенте того значения, которое оно имело в родной культуре, потому что, заимствуя явление, мы не можем заимствовать его системные признаки, т.е. его место и роль в одной культуре. Это подтверждает мысль Н. С. Трубецкого о том, что собственный вклад в культуру должен намного превосходить объем заимствований. Только в этом случае культура останется живым творческим инструментом развития этноса [13].

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979.
2. Лосев А. Ф. Бытие – имя – космос / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1993.
3. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1999.
4. Российская ментальность: методы и проблемы изучения. – М. : Прогресс, 1999.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 2000.
6. Аксаков К. С. Полн. собр. соч. / К. С. Аксаков. – М. : Унив. тип., 1889. – Т. 3.
7. Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос / Г. Д. Гачев. – М. : Академический проект, 2007.
8. Jakobson R. Linguistics and poetics / R. Jakobson // Style in language. – L. : Penquin Books, 1960.
9. Киреевский И. В. Полн. собр. соч. / И. В. Киреевский. – М. : Б.и., 1911. – Т. 1.
10. Хомяков А. С. Сочинения : в 2 т. / А. С. Хомяков. – М. : Медиум, 1994. – Т. 1.
11. Лурье С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. – М. : АспектПресс, 1998.
12. Ярошевский М. Г. Выготский Л. С. : в поисках новой психологии / М. Г. Ярошевский. – СПб. : Ювента, 1993.
13. Реальность, язык и сознание. – Тамбов : Тамбов. гос. ун-т, 2002.

Государственная академия славянской культуры

Орлова О. В., кандидат культурологии, профессор, декан факультета лингвистики

E-mail: orlovaolgav@yandex.ru

Тел.: (495) 386-10-71, 8-903-202-96-83

State Academy of Slavic Culture

Orlova O. V., Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Linguistics

E-mail: orlovaolgav@yandex.ru

Тел.: (495) 386-10-71, 8-903-202-96-83